Константин Ломиа

Звезда и колодец

Стихи

Авторизованный перевод с абхазского

Советский писатель
Москва, 1976

С (Абх) Л 74

Все более широкую известность приобретает поэзия **Константина Ломиа**. Его стихи переводятся на русский, грузинский и другие языки народов СССР, постоянно появляются на страницах центральной периодической печати.
Новая книга поэта разнообразна по тематике и жанрам. Здесь и сюжетные баллады, и цикл афористических четверостиший, пейзажные миниатюры и стихи высокого гражданского звучания.

© Перевод на русский язык. Издательство «Советский писатель", 1976 г.

СОДЕРЖАНИЕ

- Зов. *Перевел Я. Козловский*
- Русские равнины. *Перевел И. Фоняков*
- Волга. *Перевел Я. Козловский*
- Песня из Тбилиси. *Перевел Я. Козловский*
- Абхазия. *Перевел Я. Козловский*
- Ветер многоцветен. *Перепела Е. Николаевская*
- Снег зеленый. *Перевел И. Фоняков*
- Голос света. *Перевела Е. Николаевская*
- Белое счастье. *Перевела Е. Николаевская*
- Цветы Абхазии. *Перевела С. Кузнецова*
- Белые слезы. *Перевел Я. Козловский*
- «Всю ночь сегодня снег валил...» *Перевел Я. Козловский*
- Перо поэта. *Перевел И. Фоняков*
- Ожидание. *Перевела Е. Аксельрод*
- В пору вдохновенья... *Перевел Я. Козловский*
- В море раздумья. *Перевел Я. Козловский*
- Камень. *Перевел Я. Козловский*
- Абраскил. *Перевел Я. Козловский*
- Музей сказок. *Перевела Е. Николаевская*
- «Теперь закатилась, став схожею с тыквой...» *Перевел Я. Козловский*
- Подземное царство в Новом Афоне. *Перевел Я. Козловский*
- Скала Багады. *Перевел Я. Козловский*
- Скульптору. *Перевела Е. Николаевская*
- Сказанье о спящей реке. *Перевел Я. Козловский*
- Дуб на горе Панау. *Перевела Р. Казакова*
- Амткельская тишина. *Перевел Я. Козловский*
- Дорога на Рицу. *Перевел Я. Козловский*

- Поют скалы. *Перевела Е. Николаевская*
- «Стою на вершине и вижу поблизости...» *Перевел Я. Козловский*
- Кура. *Перевел Я. Козловский*
- Корабли. *Перевел Я. Козловский*
- В подножье горной вышины. *Перевел Я. Козловский*
- Видения. *Перевел Я. Козловский*
- «С одним крылом на землю птица канет...» *Перевела С. Кузнецова*
- «Верность земле не наруша...» *Перевел Я. Козловский*
- Огонь. *Перевела Е. Николаевская*
- «Пускай всегда в полночной мгле...» *Перевел Я. Козловский*
- «В глуби морской...» *Перевела Е. Аксельрод*
- «Взлетал самолет — окрыленный наш кров...» *Перевела Е. Аксельрод*
- «Ночь не спеша на землю собралась...» *Перевела Е. Аксельрод*
- Прилуненье рыб. *Перевел Я. Козловский*
- «Мне, словно в наставление...» *Перевел Я. Козловский*
- Обычай. *Перевел Я. Козловский*
- «Понять непраздный человек...» *Перевел Я. Козловский*
- «Всякой речи основа основ...» *Перевел Я. Козловский*
- «Гроза столетнюю чинару...» *Перевел Я. Козловский*
- «Пусть тайна опечатает уста...» *Перевел Я. Козловский*
- «Муж из мужей мужчина тот...» *Перевел Я. Козловский*
- «Едешь в бой или к невесте...» *Перевел Я. Козловский*
- «Лелейте землю, и она...» *Перевел Я. Козловский*
- «Поступиться не смея малым...» *Перевел Я. Козловский*
- «Страх пагубней черной тоски...» *Перевел Я. Козловский*
- «Я был на коне — ты поила меня медом...» *Перевел Я. Козловский*
- «Освоив азбуку едва...» *Перевел Я. Козловский*
- «Считая, что валун и глух и нем...» *Перевела Е. Николаевская*
- Орел. *Перевела Е. Аксельрод*
- «Юность, была ты сильна и щедра...» *Перевела Е. Аксельрод*
- «Предел — всему: отмерен дуба век...» *Перевела Е. Николаевская*
- «Охраняйте бессонно...» *Перевела Е. Николаевская*
- «Разве сердце может быть без крыльев?...» *Перевела Е. Николаевская*
- «Для влюбленных луна создана...» *Перевела Р. Казакова*
- «Мы с тобою под небом Кавказа...» *Перевел Я. Козловский*
- «Послушай, жизнь, зачем так рано детство...» *Перевела Р. Казакова*
- Осеннее раздумье. *Перевела Р. Казакова*
- «Я в зеркала смотреться не хочу...» *Перевела Р. Казакова*
- «От человека молодость ушла...» *Перевел Я. Козловский*
- В полет. *Перевела Р. Казакова*
- «Казалось бы: ну что такого?..» *Перевела Р. Казакова*
- «Проснулся я перед рассветом...» *Перевела Р. Казакова*
- Луна. *Перевела Р. Казакова*
- Спаси, судьба... *Перевел Я. Козловский*
- «Не оставьте меня без вниманья...» *Перевела Е. Николаевская*
- Думы мои. *Перевел Я. Козловский*
- «День — это повесть в переплете зорь...» *Перевел Я. Козловский*
- Новый год на берегу моря. *Перевела Е. Аксельрод*
- Весна. *Перевела С. Кузнецова*
- «Хороша она ликом и статью...» *Перевел Я. Козловский*
- Слово друга. *Перевел Я. Козловский*
- «Они друг другу угрожали...» *Перевел Я. Козловский*
- Терпенье. *Перевел Я. Козловский*

- «Не пугайся, что труд будет тяжек...» *Перевел Я. Козловский*
- «Враг угрожает вам...» *Перевел Я. Козловский*
- «Если равному хлеб-соль...» *Перевел Я. Козловский*
- «С вершины по тропинкам горным...» *Перевел Я. Козловский*
- «В последний путь односельчане...» *Перевела Е. Аксельрод*
- «Бессильна перед зноем...» *Перевел Я. Козловский*
- Ко благу. *Перевел Я. Козловский*
- «Я в деревне гостил, и чуть свет...» *Перевел Я. Козловский*
- Звезда и колодец. *Перевел Я. Козловский*
- В городе запели петухи. *Перевел Я. Козловский*
- Я не в городе родился. *Перевел Я. Козловский*
- «Лизнув скалу багровым языком...» *Перевел Я. Козловский*
- Солнце и я. *Перевела С. Кузнецова*
- «В пределах края отчего...» *Перевел Я. Козловский*
- Рассвет. *Перевела Р. Казакова*
- Жеребенок. *Перевел Я. Козловский*
- Светлячки. *Перевел Я. Козловский*
- «Лето. Жара. Небеса над землей...» *Перевела Е. Аксельрод*
- В дни засухи. *Перевел Я. Козловский*
- О тучи!.. *Перевела Е. Николаевская*
- Осень. *Перевел Я. Козловский*
- «Люди землю упрямо пашут...» *Перевела Е. Аксельрод*
- Монолог осеннего солнца. *Перевела Е. Аксельрод*
- «Переменчивы страсти мирские...» *Перевел Я. Козловский*
- Черная шаль. *Перевела Е. Николаевская*
- «Я недавно там был...» *Перевела Е. Николаевская*
- Мама. *Перевела Е. Николаевская*
- «О солнце, ты небес волшебный жернов!..» *Перевела Е. Николаевская*
- Наездница. *Перевел Я. Козловский*
- Вечерняя встреча. *Перевела Е. Николаевская*
- Четверостишия. *Перевел Я. Козловский*

ЗОВ

Манят, как призывный рог,
Вдаль меня из дома
Зов нехоженых дорог,
Гул аэродрома.

Призывает новый день,
Озаряя крыши:
— Поднимайся! Я — ступень,
Что минувших выше!

Время в путь зовет, трубя:
— Мир тебе дарую!
Верен будь мне! Я тебя
Не разочарую!

Где людская льется речь,
Слышу голос чести:
— Я твой щит, и я твой меч,

След держаться вместе!

Ветер взмыл над головой
С яруса на ярус:
— Выходи-ка в море! Твой
Я наполню парус!

Вековечного огня
Юная царица —
Вновь Любовь зовет меня
С нею породниться.

И, чего таить греха,
Голову мне кружит
Клекот горского стиха,
Что со мною дружит.

РУССКИЕ РАВНИНЫ

Русские равнины, русские равнины,
Что вас шире, кроме сердца славянина?
Пашни-черноземы, вы весною дружной
Потемнее даже нашей ночи южной!
Лето. Морем хлеба ветер пролетает,
Ищет: где же берег? Берег в дымке тает...

О равнины, дали — не охватишь глазом,
Ваш простор и солнце не обнимет разом:
Где-то над полями вьюга бродит, злится,
А уж где-то всходит юная пшеница.

Русские равнины, русские равнины.
Вам под стать и реки, реки-исполины,
Далеко-далёко их маршрут протянут,—
Как в такой дороге только не устанут!

Русские равнины! Сын иной природы,
Я влюбился в эти нивы, рощи, воды.
Как любовь такую высказать словами?
Даже звездам вечным хорошо над вами!
Глянешь ночью с неба — подивишься тоже:
Сами вы, равнины, с небом звездным схожи...

Русские равнины, русские равнины...
Здесь грохочут стройки, высятся плотины,
Фабрики, заводы встали в ярком свете,
И растут и крепнут города, как дети.

От Москвы, где башни высоки и строги,
Как лучи от солнца, разошлись дороги.
Слава машинистам, летчикам, шоферам,
Что влюбленно спорят с далью и простором!

Счастья и удачи им в труде их дерзком!..

Еду я Россией в поезде курьерском,
И в окне равнины что картина в раме,
И роднит их что-то с нашими горами:
В солнечном сиянье, в переклике птичьем,
Схожи не обличьем, схожи вы величьем!

Еду я Россией, край мой вспоминаю,
Всю страну родную мыслью обнимаю,
И волненье в сердце, — в этом вы повинны,
Русские равнины, русские равнины...

ВОЛГА

Твои крутые берега —
Скрижали славы вековые.
О Волга, гордая река —
Живая летопись России!

Ты мимо Жигулевских гор
Течешь морям на пополненье.
Люблю широкий твой простор,
Твое могучее теченье.

Вот солнце встало поутру,
В росе цветы на горном склоне.
Я горсть воды твоей беру,
Она искрится на ладони.

И будет свет, что ты зажжешь
На берегах, давно воспетых,
Своим сиянием похож
На солнце утренних рассветов.

В тебя глядятся облака
И неба выси голубые.
О Волга, гордая река —
Живая летопись России!

ПЕСНЯ ИЗ ТБИЛИСИ

Под Москвой пора мороза,
Снегу на поле полно.
И опять стучит береза
Белой веточкой в окно,

Словно в дом войти погреться
Захотела вдруг сама.
Мне всегда волнует сердце
Подмосковная зима.

Блещут звезды в синей выси.
И по радиоволне
Донеслася из Тбилиси
Песня звонкая ко мне.

И как будто с другом лучшим
По тропе поднялся я
На твои родные кручи,
Милая земля моя.

Зеленеет море чая
Предо мной на дне равнин.
Ингури, совсем седая,
Мчится к лопастям турбин.

Снова вижу, как в Рустави
Металлурги варят сталь...
Разве песня, друг, не вправе
Сократить земную даль?

На стекле узор чудесный,
А в полях белым-бело.
Но родной крылатой песне,
Как и мне, сейчас тепло.

АБХАЗИЯ

Кто сможет синь морскую взвесить?
Кто станет измерять цветок?
Абхазию вы дней за десять
Пройдете вдоль и поперек.

Но хоть мала страна абхазов,
Не зря о ней в лучах тепла
Дорога из людских рассказов
Мир златоустый обошла.

ВЕТЕР МНОГОЦВЕТЕН

Ветер зелен весной,
И, как добрые вести,
Светел он,
И атласную кожу ласкают лучи,
Он, веселый и нежный,
Подобен невесте,
Он сияет на листьях
Тутовника и алычи.

Ветер летом
Усталого желтого цвета,

Он несется по пыльным дорогам
Мальчишкой босым,
Тяжко дышит он ртом пересохшим,
И спеты
Его песни,
А крылья обуглены жаром лесным.

Ветер осенью цвета зари.
Уж не реет
Он легко над землей,
Подымает он плечи с трудом,
Вниз слетает багровой листвой
И стареет,
Постепенно стареет,
Как дом, обреченный на слом.

Ветер белый зимой,
Как мороз первозданный
С бородою седой,
Все скрипит он, никем не согрет.
Как холодная весть,
Бродит он, нежеланный,
По дворам — с одного на другой,
А пристанища нет...

СНЕГ ЗЕЛЕНЫЙ

Зеленый снег в моем краю не тает.
Его не смыть вам, шумные дожди,
Не вытоптать — хоть армия пройди!
Зеленый снег в Абхазии не тает.

Зеленый снег и в зной не выцветает,
Лежит в долинах и на склонах гор
И новизной невянущей блистает —
Национальный дорогой ковер.

Во всей моей Абхазии, как чудо,
Зеленый снег лежит, зеленый снег.
Босым по снегу, не боясь простуды,
Ступай, как будто снежный человек.

Ступай, ступай и сам себя порадуй:
Зеленый снег для сердца как магнит.
Он освежит ступни твои прохладой
И лишь следов твоих не сохранит.

Зеленый снег в Абхазии не тает.
Он добр, тот снег земли моей родной;
Не рушит крыш, путей не заметает
И не сломает ветки ни одной.

Зеленый снег! У нас его в избытке,
Он жизни молодое торжество,
И легкие шуршащие накидки
Для всех деревьев сшиты из него.

Свой труд прервав, земных полей радетель
На нем желанный отдых ты найдешь.
На нем, резвясь, играют наши дети
И хороводы водит молодежь.

Как многоцветна жизнь на свете белом!
Другие, посуровее, края
С давнишних пор богаты снегом белым,
Зеленым снегом — родина моя.

ГОЛОС СВЕТА

Казалось мне, свет совершенно беззвучен:
И впрямь — не окликнет он нас из-за тучи,
Как поезд, не свистнет, по рельсам стуча,
Как ливень, не рухнет с небес сгоряча
И все на пути не сметет половодьем,
Как вихрь, не взовьется, гудя по угодьям,
Не свалит деревьев, стуча топором,
Не крикнет: сойди, мол, с дороги добром!..
Всегда, неизменно казалось мне это.
Действительно, голоса нету у света.
Но так ли, как кажется это порой?
Допустим, заря разлилась над горой —
И дверь заскрипит, и застонут ворота,
И школьник бегущий окликнет кого-то.
И щебет раздастся, и тот, кто не глух,
Услышит, как вдруг прогорланил петух.
Сигналя, корабль покидает причал,
И в цехе со скрежетом режут металл...
Мотор загудел, зарычал, и — рывок!..
А в школе звенит, заливаясь, звонок,
И голос ребячий летит в небеса.
«Живее!» — несутся с полей голоса...
...А там, где еще разлита темнота,
У власти покой, тишина, немота.
Как будто все звуки зависят от света!..
Недаром, мне кажется, строки поэта
Всегда повторяет природа сама:
«Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

БЕЛОЕ СЧАСТЬЕ

Уже давно в Абхазии моей
В прекрасной белизне не стыли дали,
Уже давно следы богатырей

На белой целине не проступали.

Уже давно, взрывая тишину
Веселыми снарядами из снега,
Мы не играли в «белую войну»,
В сугроб не зарывались мы с разбега.

Давно уж не приветствовали тишь
Деревья, головой кивая белой,
Давно уже с застывших плоских крыш
Сосульки не свисали, как чурчхелы.

Давно не заливало солнце нас
Холодными прозрачными слезами,
И зыбкие лучи его, искрясь,
От холода дрожа, не замерзали.

И безмятежность горного козла
Уже давно охотник не тревожил.
И вдребезги мороза зеркала
Уже давно не разбивал прохожий.

Давно не видно черного дрозда,
Что с кустика на кустик —
Шаг за шагом
Охотника уводит от гнезда,
Исполненный любовью и отвагой.

И вдруг, пространством неба овладев,
Снег в сумерки над миром закружился,
И, страх перед паденьем одолев,
Он без препятствий на землю ложился.

И стар и мал в тот вечер,
Все как есть,
Ему навстречу вышли кланом целым.
Снег, чист и мягок, как овечья шерсть,
Все покрывал в округе счастьем белым.

ЦВЕТЫ АБХАЗИИ

Вы как сестры мне, цветы Абхазии,
Вы как дочки мне, цветы Абхазии.
Словно детство, вы резвитесь в поле,
Словно юность, радуетесь воле.
Вы гуляете в садах узорных,
Вы играете на склонах горных.
Солнце вами радо любоваться,
Солнце с вами радо целоваться.
Чтобы ваша жизнь была ясна,
Добрый дом по имени Весна
Солнце на земле вам подарило,

Вас дождями теплыми омыло.
Всем влюбленным издавна родные,
Вы горите, звездочки земные,
Ночью так же ярко, как и днем,
Зажигаете сердца огнем.
Если горе — в горе утешенье
Ваше неизбывное цветенье,
Если торжество народ справляет.
Он и здесь про вас не забывает.
Далеко увозят вас по свету,
Всюду рады вашему привету.
Вы как сестры мне, цветы Абхазии.
Вы как дочки мне, цветы Абхазии.

БЕЛЫЕ СЛЕЗЫ

Был электриком он и труда
Не жалел, чтоб до самых вершин
Свет могли донести провода
От исполненных мощи турбин.

Словно темень сводил он на нет
Роем маленьких ярких светил.
И казалось порою, что свет
От него самого исходил.

Но однажды случилась беда:
Электричеством был он убит.
И дымились, дрожа, провода,
И вдова горевала навзрыд.

Словно в друга нечаянно друг,
Оплошав, разрядил пистолет.
И склонил свою голову вдруг
Над погибшим электриком свет.

И, всходя под ночной небосклон,
Где ушедших покоит гора,
Над могилой электрика он
Слезы белые льет до утра.

* * *

Всю ночь сегодня снег валил,
Вершины, долы и овраги
Он первозданно побелил
И лег, как будто лист бумаги...

Ни буквы нет, ни знака нет
На нелинованной бумаге,
Что словно излучает свет,

Напоминая нам о благе.

Окрест все ново и старо.
И снова с чувством оробелым
Перед листом бумаги белым
Беру послушное перо.

ПЕРО ПОЭТА

Перо поэта — плуг стальной
На белой пахоте страницы.
Когда идет он целиной,
Сорняк в испуге сторонится.

Потом, как сеятель, зерно
Поэт бросает спозаранку.
Росток целебный даст оно:
Приложит лист — затянет ранку.

И вновь он пашет склон холма,
Чтобы стеной хлеба вставали,
Чтобы вовеки закрома
В людских сердцах не пустовали.

Поэт проходит по росе,
Тряхнет кудрявой головою,
И вот не рожь на полосе —
Растет оружье боевое!

Но битвы гром затих вдали —
Вновь пахарь отдыха не знает,
И трубы всходят из земли
И песню дружбы зачинают.

Поэт во все века — дорог
К добру и свету пролагатель.
Его перо — и мастерок,
И заступ, и резец, и шпатель.

Оно — копье, стрела, и лук,
И штык сурового граненья.
И все же лучшее сравненье:
Перо поэта — это плуг.

ОЖИДАНИЕ

Ветер к берегу причалил,
С темных гор спустился мрак.
Кто же листья опечалил?
Отчего трепещут так?
Растревожена долина,

И гремит Кодор-река.
Не заснуть мне ночью длинной —
Не идет на лад строка.
Жду грозу я на балконе,
Приближается она.
В ней строка моя утонет,
В ярости гроза страшна.
Молнии излом у дома,
Ослепил деревья страх.
Меткой очередью грома
Брешь пробита в небесах
Не дослушав канонаду,
Дождь ударил проливной.
В небо, точно по канату,
Влезешь по струе любой.
Что же, друг мой, враг мой дерзкий,
Все ни с места ты, мой стих?
Вот уж, как состав курьерский,
Дождь пронесся и затих.
А луна бела, воздушна,
Чистотой своей горда.
Старушонкой добродушной
Сморщила лицо вода.
Под деревьями, свернувшись,
Мирным сном уснула тень.
Снят дома, во сне сомкнувшись,
Хоть и взмокла их постель.
Игры на асфальте влажном
Затевает лунный свет.
За перо берусь отважно.
Стих мой, где ты? Дай ответ!

В ПОРУ ВДОХНОВЕНЬЯ.

Душа подобна облаку, покуда
Не станет слова сутью золотой.
Вдохнешь в строку, глядишь —
Возникло чудо.
Не повезет — родится звук пустой.

Слова, слова... Они сопротивленье
Оказывают мне не в первый раз.
Я шлифовальщик в пору вдохновенья,
А слово непокорно, как алмаз.

В МОРЕ РАЗДУМЬЯ

Верные берегу отчей земли,
Не приключений, а истины ради,
Снова плывите в тревожной усладе
Морем Раздумья, мои корабли!

Вас, не привыкших сидеть на мели,
Не испугают кораблекрушенья,
На глубине принимайте решенья
В Море Раздумья, мои корабли!

Вам повелел я: — Куда б вы ни шли,
Мужества древний храните обычай
И промышляйте лишь ценной добычей
В Море Раздумья, мои корабли!

Дерзко по курсу держите рули,
Мутность ненастья спокойно осиля.
Бойтесь не бури, а мертвого штиля
В Море Раздумья, мои корабли.

КАМЕНЬ

Камень, ты был до небес вознесен.
Птицы взмывают с подоблачных скал.
Славный Сасрыква * тобою рожден,
Кованый меч ты его заострял.

Время стереть беспощадной рукой
Часто не в силах с тебя письмена.
С горною ты породнился рекой:
Ложем базальтовым мчится она.

Воина сердце в бою заслоня,
Был ты защитой его среди гор.
Сделался в доме гнездовьем огня
И почитаем очаг до сих пор.

Ты зачастую, как слово в строку,
Грозно вставлялся, чтоб вызвать обвал
«Камень падет пусть ему на башку!» —
Кто-то кого-то в горах проклинал.

В мире извечна нужда в жерновах —
Это прекрасная доля твоя.
Ставят у мертвых тебя в головах —
Это несчастная доля твоя.

Дружбе на верность давая зарок,
Честно братаясь с великой страной,
Твердо и гордо мой прадед изрек:
«Жить как за каменной будем стеной!»

Камень, твоя не в терпенье ли суть?
Эхом откликнись, где мчатся ручьи.
Облачный пламень был вложен мне в грудь.
Камень, терпенью меня научи!

** Сасрыква — герой нартского сказания.*

АБРАСКИЛ *

Выкрав на небе пламень небесный,
К людям наземь с султаном огня
Возвращался дорогой отвесной
Абраскил, понукая коня.

Бог взъярился, и небо померкло,
Гром обрушился, людям на страх,
Словно лунные горы повергло
Самолюбие божье во прах.

И всевышний, чья злобилась сила,
Под обугленным куполом дня
Стаю молний метнул в Абраскила,
Застил мороком очи коня.

Мир не знал о подобных погонях,
Мчался всадник, добром одержим,
Укрывая от бури в ладонях
Пламень, в небе похищенный им.

Бог упрямо выкручивал тучи,
На вершину грозу наведя,
Но, спускаясь на отчие кручи,
Всадник пламень укрыл от дождя.

И взывал на скаку он при этом:
— Проворонь меня, бог, проворонь!
Нынче заживо стал я отпетым
И плачу тебе жизнь за огонь.

Завтра муку любую приемлю,
Но добычи моей ты не тронь.
Я желаю доставить на землю
Мной похищенный в небе огонь.

Цепью бог приковал Абраскила
К неприступной кавказской скале.
С той поры не любовь ли судила
Нам за ближних сгорать на земле?

** Абраскил — герой абхазского эпоса.*

МУЗЕЙ СКАЗОК

Ты сказочную видел ли страну?
В ущелье Моква приходи скорее:
Увидишь там такую старину,
Какой не встретишь ни в одном музее.

Собрания чудес в местах иных —
Подобного второго не отыщешь:
Как пальцы ног адауы * лесных,
Там скрючены деревьев корневища.

Кто знает, сколько раз они в упор
Встречали смерть, прекрасны и бесстрашны?
На скалах плющ зеленый, как ковер
Вскормившей нартов Сатане-Гуаши **.

Под грабом почивают жернова,
Умолкшие, приросшие друг к другу.
Быть может, скалы видели здесь льва,
Ступавшего без отдыха по кругу.

Там папоротники как тростники,
Как ящерицы листья их резные.
В три горла распевают родники,
И глухари поют, как заводные...

На мельнице там черти на весу
Пристроились, а та стоит, не машет...
Чтобы проснулись жернова в лесу,
Вода в ручье бурлит, гремит и пляшет...

Там пасть пещеры зло ощерена —
Не подходи, проглотит с потрохами!
Хотя стада в былые времена
Там отдыхали вместе с пастухами.

На плоском камне мощная рука
Толкла аджику тщательно и бодро...
С потоком пенным вместо молока
Стоят поодаль каменные ведра.

Покрыты мхом обрывы там и тут,
Как шкурою медвежьей,
И в движенье
Извечном — извиваются, бегут
Тропинки, будто молний отраженье.

Там осенью медведи, голодны,
Все лезут в кукурузник из ущелья,
Там горные озера холодны,
И в них рябые плещутся форели;

Озер не счесть в скалистых берегах,
В них камни высятся на синем фоне...

И кажется мне —
Это нартов кони
Стоят, окаменевшие в веках...
---

* *Адауы — мифические лесные гиганты.*
** *Сатане-Гуаши — мать героев нартского эпоса*.

* * *

«Теперь закатилась, став схожею с тыквой,
Когда-то сверкавшая ярко, звезда.
Отныне покончено с ним навсегда»,—
Решили враги над убитым Сасрыквой.

Но молвили горы: «В спесивых речах
Не рано ли подняли радости крик вы?
И впредь не забудем мы имя Сасрыквы,
Пока будем небо держать на плечах!»

ПОДЗЕМНОЕ ЦАРСТВО В НОВОМ АФОНЕ

Первооткрывателю Гиви Смыр

Познав сполна две стороны труда
От страсти вдохновенья до мытарства,
В глубокой тайне тыщи лет вода
Подземное сооружала царство.

Великим зодчим та вода была,
Неслышимым для всех каменотесом.
И обращалась в женский торс скала
Иль делалась цветущим абрикосом.

И не скрипела ни одна арба,
Когда изобретательные воды,
Не применив ни одного раба,
Дворцов подземных воздвигали своды.

А выше на горах стоял Афон,
И войны возникали то и дело,
Мечей кровавых скрещивался звон,
Летели стрелы, и смола кипела.

У крепостных анакопийских стен,
В большом числе и силою не слабы,
Разбитые абхазцами арабы
Погибли или взяты были в плен.

Под властью византийцев много лет,
На целый свет обретшая известность,
Когда-то находилась эта местность.

Апсны * — осталась, Византии нет!

Летело время, но никто не знал,
То меч беря, то шествуя за плугом,
Что под землей, не прибегая к слугам,
Вода творит за тронным залом зал.

Окончив труд в тайницах под горой,
Ушла вода, не проявив коварства,
Оставив нам недавнею порой
Заветный ключ от сказочного царства.

Взглянув на стены с дивною резьбой
И на загадочные изваянья,
Ей может позавидовать любой
Ваятель, удостоенный признанья.
---

* *Апсны — Абхазия*.

СКАЛА БАГАДЫ

Таков удел от века ей завещан:
Стоит она потока посреди.
Подобна шраму каждая из трещин
И на челе ее, и на груди.

Скала Багады.
Бешеным Кодором
И день и ночь штурмуема она.
В нее с небес,
охваченных раздором,
Стрела огня попала не одна.

Разбитых волн шипучий снег на теле,
Рокочущей стремнины колотье.
А может быть, Сасрыква в самом деле
Был вырублен однажды из нее?

СКУЛЬПТОРУ

Ваятель, труд твой тяжек до предела:
Не знаешь ни мольберта, ни стола...
Твой труд почетен, но не в этом дело,—
Твой труд велик и вечен, как скала...
Но, вырубая из скалы портреты,
В пылу работы не жалея сил,
Ты старцем не изображай поэта —
Пусть тот и за сто лет перевалил.
Пусть даже возраст двух людей им прожит,
Пусть голоса пропало волшебство,

Пусть он без палки и ступить не может,
Ты молодым изобрази его.
О скульптор, ты не забывай про это,
С резцом вверх подымаясь по лесам:
Ведь вечно молоды слова поэта —
Пусть молодым останется он сам...

СКАЗАНЬЕ О СПЯЩЕЙ РЕКЕ

Если спящую на склоне реку
Доведется встретить человеку,
Говорят, что все до одного
Сбудутся желания его.

Если встречу реку я такую,
О которой вам сейчас толкую,
Все мечты тщеславные отрину,
Счастья попрошу родному сыну.

ДУБ НА ГОРЕ ПАНАУ

Он горд, как горные кряжи,
И временем не согнут.
Ста человекам прикажи
Обнять его — не смогут!

И в мире нет такой пилы,
Чтобы его спилила,
И нету молнии такой,
Чтобы его спалила.

Он ветки, мускулам под стать,
Вздымает величаво,
И, как крестьянская ладонь,
Кора его шершава.

А сколько лет ему, никто
Не ведает про это.
Спроси у птиц, спроси у трав —
Никто не даст ответа.

Об этом знает лишь земля,
В которой его корни,
Земля, которая, как мать,
Его поит и кормит.

Не раз и упор чужой топор
Врубался в дуб могучий,
Но он стоит, как и стоял,
Пронзая кроной тучи.

И небо все синей, синей
Над ним в лучах рассвета.

А ветки все сильней, сильней —
Нет в мире крепче веток!

Смотрю на дуб, и он мне люб —
Герой в столетней бурке,
Он, как Абхазия сама,
Отважный вызов буре.

Он здесь мужал и не ронял
В беде бессильно ветви,
А у абхазцев перенял,
Должно быть, долголетье.

Пусть зной палит, пускай зима
Несет туман и холод —
Он, как Абхазия сама,
Неукротим и молод!

АМТКЕЛЬСКАЯ ТИШИНА

Нет заколдованней в мире предела...
Как опрокинутая вышина,
Опалово озеро окаменело.
Слышишь? Ни всплеска на нем.
Тишина.

Женственноглазая лань появилась,
Даже не хрустнул сучок в тишине.
Вам эта стройная лань не приснилась,
Все наяву,
А как будто во сне.

Как декорация древностной пьесы,
Озеро, горы, тропа, дерева.
А с первой звездою вечерней завесы
Сцену задергивает синева.

Ветер в ущелье листву не колышет
И не колеблет зажженных свечей.
Чья это воля, что ветер не дышит?
Чей это промысел?
Замысел чей?

Царство безмолвья, сплоченные братством,
Скалы со всех окружают сторон.
Стук топора был бы здесь святотатством,
Был бы пилы здесь
Кощунственным звон.
Птицы и те не галдят оглашенно.
Дивному диву от века верна,
В местности этой и нощно и денно
Правит хозяйка ее —

Тишина.

И над таинственной глубью Амткела
Думам предаться так сладостно мне.
Может, счастливее нету удела,
Чем с тишиною быть
Наедине.

ДОРОГА НА РИЦУ

Давай па Рицу путь нацелим
И, всласть захлебываясь им,
Помчимся в горы по туннелям
И по ущельям голубым.

Под белой облачною зыбью
Дороги горной серпантин
Поднимет нас над синей Бзыбью
К пределам голубых вершин.

В плену взметенного гранита
Повсюду — взгляд куда ни кинь —
Исходит, словно от самшита,
Обворожительная синь.

Дорога, скальная вершина,
Река и пиршественный лес
Приняли цвет ультрамарина,
Как продолжение небес.

Даль словно море после бури,
Помчимся по его волнам,
Пока под пологом лазури
Вновь не предстанет Рица нам.

Влюбленная навеки пара,
Со дня творенья, как вчера,
Сошлись здесь Геге и Юпшара,
Впрямь как Арагви и Кура.

Притоком Рицы синеокой
Дорога стала неспроста.
На грани встречи их высокой
Владычествует красота.

Пусть Рица, вправленная в горы,
Как будто в перстень лазурит,
К себе приковывает взоры
И нас восторгом одарит.

ПОЮТ СКАЛЫ

Посвящаю ансамблю долгожителей Абхазии

Я — в глубине абхазских гор в июле...
С утесов — струй летящих водопад:
На скалы будто струны натянули —
И вот они, как ачамгур, звенят.

Взбирались ли вы летом, замирая,
По козьим тропкам
На вершины гор?
И вглядывались в синеву без края
Так пристально,
Как в зеркало,— в упор?

Вы различали ль,
Сколько звуков разных
Родится — несказанной чистоты?
И сколько песен истинно прекрасных
Поют отроги, скалы и хребты?

И даже в вечной мерзлоте ущелий
Рождается движенье,
Льется звон.
Фиалки встрепенулись, засинели,
Птенцами выбежав на горный склон.

А снег, блиставший на вершине,
С песней
Спешит в ущелье,
Синевой горит.
Везде — от пропастей до поднебесья —
Многоголосье звонкое царит...

Вокруг теснятся, громоздятся горы,
Летят потоки
Вольно — без оков...
И кажется мне:
Я внимаю хору
Больших певцов —
Столетних стариков...

* * *

Стою на вершине и вижу поблизости
В скальную пасть угодивший ледник,
Он в лиловатой полуночной сизости
Чуть серебрится, подоблачно дик.

И восьмистишие это окончу я
Тем, что мне барса послышался рык,
Что месяц на небе — поджарая гончая
И кажется лунным обломком ледник.

КУРА

Дочь поднебесной выси,
Моей души сестра,
Летит через Тбилиси
Кипучая Кура.

Гремучее теченье
И вольный бег волны
Находят поклоненье
По обе стороны.

И всякою порою
Вблизи родных вершин
Витают над Курою
Сказания грузин.

Приняв в свое теченье
Аракс и Алазань,
Она, граня каменья,
Селеньям платит дань.

И в окнах свет лучится,
И в серебре седин
Кура сквозь сердце мчится
Республики грузин.

КОРАБЛИ

Мороз, появившись с алмазом зимы,
Вновь застеклил, как стекольщик, озера.
Очей не свожу я с седого простора,
Где схожи с морскими волнами холмы.

А дым над домами вблизи и вдали
Недвижно стоит, лиловея с рассвета.
И может очам показаться, что это
По белому морю плывут корабли.

В ПОДНОЖЬЕ ГОРНОЙ ВЫШИНЫ

В могиле братской с той войны
Покоится у края луга,
В подножье горной вышины,
Артиллерийская прислуга.

Лежат бок о бок, вчетвером
Солдаты, вверенные славе.
И только гроз небесных гром

Здесь тишину тревожить вправе.

ВИДЕНИЯ

Клубились аспидные тучи,
Горел, казалось, небосвод.
И дым пожара застил кручи
И очертания красот.

И, словно раненая птица,
Упало сердце у меня:
«Ужель лазоревая Рица
Исчезнет с нынешнего дня?

Ужели гордая Эрцаху,
Что в неоглядной вышине
Носила белую папаху.
Погибнет в бедственном огне?

Ужели до последней грани
Сгорит нагорие дотла,
Чтоб на него заря, как ране,
Впредь опереться не могла?

Ужель исчезнут рек истоки,
Тайницы вечных ледников,
Громокипящие потоки
И звонкий клекот родников?

И в Абраскиловой пещере
Ужель под черною скалой
Осыпан буду в знак потери
Я сталактитовой золой?

Ужель не встретится с Амткелом
Кодор, являя быстрину?
И русло Бзыби, став замшелым,
Забудет буйную волну?

И там, где Нартова поляна
Пьет из холодного ручья,
Вновь токованье акапкана *
Ужели не услышу я?

Ужель пастушеской свирели
Не долетит напев ко мне?
И красноперый лёт форели
Смогу увидеть лишь во сне?»

Но оклик друга в отдаленье
Возник над зарослями роз,
Исчезли мрачные виденья,

И стер со щек я капли слез.
---

* *Акапкан — дикий индюк.*

* * *

С. одним крылом на землю птица канет.
Еще не берег одинокий камень.
Олма строка еще не звонкий стих,
И песни путь без друга будет тих.

Бессильна перед тьмой одна свеча,
Кик ни была б свеча та горяча,
И луч один согреть не может море,
И высохнет одна дождинка вскоре.

Одна пчела не улей трудовой.
Один цветок еще не сад живой,
И одинокий плотник до конца
Не возведет прекрасного дворца.

Одни солдат не воин в чистом поле,
И знаю я — всегда, в любой недоле,
Спасти народы истина должна:
«Я» — низенький забор, «мы» — крепости стена.

* * *

Верность земле не наруша,
Под облаком, в вышине,
Выросла некогда груша
На крепостной стене.

Словно стоит на страже
Памяти о старине
И плодоносит даже
На крепостной стене.

ОГОНЬ

Огонь... Он всемогущ, как меч,
Он в воздухе, как птица, реет...
Он может греть,
А может жечь...
Как он хорош, когда он греет!

Не персик ли в какой-то миг
Расцвел?..
Зарею обернулся,

И вспыхнул на щеках твоих,
И крыльями в зрачках метнулся...

Когда ж ползет со всех сторон
И жжет, неистовый и рыжий,
Сдается, не оставит он
Травинки, а не то что крыши,—

Из окон языком своим
Он дразнит как бы между делом.
Синь заволок коптящий дым,
Земля покрыта пеплом белым...

Сейчас стою у очага
И греюсь — то спиной, то боком...
Мороз... Не выгнать и врага
На двор — погибнет ненароком.

И я в такие вечера
Мечтаю, чтобы, злу на горе.
Огонь исполнен был добра
Всегда, как утренние зори...

* * *

Пускай всегда в полночной мгле
На небе звезды будут в сборе,
Пусть вольно дышат рыбы в море,
Свободно — люди на земле.

Пускай деревьев корневища
Не знают гибели вовек
И счастлив будет человек
Под кровом каждого жилища.

* * *

В глуби морской рыб старательный ход.
И небе плывут самолеты стаей.
Один самолет на посадку идет —
Другой в этот миг взлетает.

Что расстоянья для вас, самолеты?
Смысл свой утратило слово «даль».
Вы, самолеты, свели с ним счеты,
Ныне оно — только космосу дань.

Друга, что был так далек, как луна,
За час вы в мой дом доставляете ныне.
Дорога была бесконечно длинна,
А вас убоявшись, подобна пружине.

* * *

Взлетал самолет — окрыленный наш кров —
Все выше, крадя у небес высоту.
Сквозь окна в плавучей стене облаков
Земли островки я ловил на лету.

Ведь только что я распрощался с землей —
Так что же о ней одолела тоска?
И снова к земле моей, к ней лишь одной,
Взывает взлетевшая в небо строка.

Торопят они приземления срок —
Стихи, обретенные мной в вышине.
Пускай я буравлю небес потолок,
Но строки земные родятся во мне.

* * *

Ночь не спеша на землю собралась.
Встречаю взгляд ее глубоких глаз.
Долину сна закрыла предо мной,
Отгородила поздних дум стеной.
Я вышел на балкон свой, как в дозор.
О чем-то снизу шепчет мне Кодор.
Луна усердно выбелила склоны,
Но, сброшена горой в простор бездонный,
Ночь тает, словно снег. Плывет в ней мой балкон.
Футбольный мяч — луна. А небо — стадион.

ПРИЛУНЕНЬЕ РЫБ

Я в поздний час,
Не предаваясь сну,
Увидел в черном озере
Луну.

И рыбы, вроде
Маленьких ракет,
Как в небе плыли,
Излучая свет.

Так мне воочью
Близ прибрежных глыб
Предстало ночью
Прилуненье рыб.

* * *

Мне, словно в наставление,
Изрек старик селения:

— Не тех, кто выше званием,
А тех, кто выше знанием,
Стремись держаться ты.

Смысл жизни есть познание,
Ты в нем ищи признания,
Избегнув суеты.

ОБЫЧАЙ
Внимая слову, будь покладист
И вежлив, прадедам под стать.
Не может истинный абхазец
Речь собеседника прервать.

Но если стала жизнь короче
И до зари рукой подать
И нет ни времени, ни мочи
Рассказу долгому внимать,

Абхазец с видом виноватым
Пусть изречет, закон храня:
— Я ваше слово режу златом!
Мне дело подает коня!

Когда говоруном завзятым
Я окажусь, обязан друг
Сказать: — Глагол твой режу златом! —
И станет совестно мне вдруг.

* * *

Понять непраздный человек
Способен истину простую:
День, нами прожитый впустую,
Невосполним за целый век.

Мм, как на свежего коня,
На завтра, сколько б ни потели,
Не переложим без потери
Заботы нынешнего дня.

* * *

Всякой речи основа основ
Не число, а значение слов.
Можно словом единым порой
В небе звезды зажечь над горой.

И единое слово подчас
Выражает пленительно нас.
Молвил слово я той, что мила,
Голова ее кругом пошла.

* * *

Гроза столетнюю чинару
Швырнула с кручи под обрыв.
А сколько тех, кто жизни чару,
Ушел из мира, не допив.

Число могил — оно несметно,
А времени быстра река,
Па берегах ее бессмертна
Лишь мысль, что истине близка.

* * *

Пусть тайна опечатает уста
Как будто бы могильною плитою.
Встарь говорили люди неспроста:
— Не расставайся с тайною святою!

Незримый, от незримого замка
Ты ключ хранишь. Ключ этот непродажен.
Чтоб тайна не сорвалась с языка,
Ее хранитель должен быть отважен.

* * *

Муж из мужей мужчина тот,
Кто мужественней прочих
Мужей, в кругу мирских забот
До мужества охочих.

Такой для отчей стороны
Меч верный и кольчуга.
А быть лишь мужем для жены
Невелика заслуга.

* * *

Едешь в бой или к невесте,
Суд ли правишь, чтя закон,
В этом мире долгом чести
Будь всегда обременен.

Хороши, дурны ли вести,
Пред лицом любых времен
В этом мире долгом чести
Будь всегда обременен.

* * *

Лелейте землю, и она,
Людских судеб избранница,
В долгу в любые времена
Пред вами не останется.

В цветенье вешнем иль в снегу,
Земля всегда красавица,
И за любовь она в долгу
Пред вами не останется.

* * *

Поступиться не смея и малым,
Стой за правду любою ценой,
Хоть с приставленным к горлу кинжалом,
Хоть по горло в воде ледяной.

Не якшайся с приятелем лживым,
Что в застолии льстит до зари.
Даже недруга, будь он правдивым,
Ты в свидетели правды бери!

* * *

Страх пагубней черной тоски.
И трусу, он конный иль пеший,
Повсюду мерещится леший.
У страха глаза велики.

Скрип запертой двери в ночи
Трус слышит, хоть ветер не свистнул.
И сердце (вновь страх его стиснул)
Трепещет подобьем свечи.

* * *

Я был на коне — ты поил меня медом,
Но рухнул с коня пред честным я народом,
Прошел ты, не пряча холодного взгляда,
И в слове оставил мне капельку яда.

Но вновь на коне я. И даль не в тумане,

Мне в здравице мед ты подносишь, как ране.
Скачу, не молчу, а кричу я: — Не надо
Из рук твоих меда, из уст твоих яда!

* * *

Освоив азбуку едва,
Он счел себя ученым мужем.
И произносятся к тому ж им
Мне в назидание слова.

Спешу сбежать за семь хребтов
От наставлений изреченных.
За неученого готов
Отдать я трех полуученых.

* * *

Считая, что валун и глух и нем,
Его с горы столкнули вниз, в ущелье.
Но шум такой он поднял между тем,
Что скалы устояли еле-еле...

ОРЕЛ

Обрезаны были два мощных крыла,
Давно его клюв стал тупым,—
Я в дворике тесном увидел орла,
Что был тяжкой грустью томим.
Орел по вершинам родным тосковал,
Томился с неведомых пор.
Он гор очертанья уже забывал,
Слабел обращенный к ним взор...
Хозяин калитку забыл запереть —
Стал берег доступен орлу.
На волны отвесные мог он смотреть —
И в каждой он видел скалу.
И вырвался вдруг торжествующий крик,
И бросился в волны орел.
На гребнях он взмыл на единственный миг,
Но счастье полета обрел.
Проглочен голодной волной на лету,
Он канул в кипящую мглу.
В последний свой час вновь познал высоту,
И воля открылась орлу.

* * *

Юность, была ты сильна и щедра.

Разве я знал, что наступит пора
С ветки тебе упорхнуть, точно птица,
С деревом жизни моей распроститься?

Я тебя тратил, как тратят монеты,
Что ненароком подобраны где-то,
Думал, что вечно ты будешь моею,
Что все вершины с тобой одолею.

Что ж от ненастья тебя не сберег
В тот ненадолго отпущенный срок!
Ныне тебя я зову втихомолку,
Плачу и каюсь... Да что в этом толку?

* * *

Предел — всему: отмерен дуба век,
Пред временем орла бессильно зрение,
И скакуна победоносный бег
Со временем слабеет тем не менее.

В весеннем поле нежная трава
Родится, но недолго юность длится.
Снег выпадает, но, сверкнув едва,
Глядишь, уж тает и ручьем струится...

Соцветья увядают все подряд,
И юноши со временем седеют.
Как знающие люди говорят,
Со временем и солнце оскудеет...

Свое начало и конец — у всех,
Ничто не бесконечно, не бессрочно.
От старости — и спорить с этим грех —
Никто не защищен, уж это точно.

Одна любовь лишь вечно молода,
Не обрекли ее на старость годы:
Никем не назначался никогда
Ни срок ее прихода, ни ухода...

* * *

Охраняйте бессонно
Границы сердец,
Охраняйте их,
Как на заставе боец.
И, открыв их, следите
Как следует — в оба,
Чтоб туда не плеснули б
Ни горя, ни злобы.

Вы свои уважайте,
Храните сердца,
Чтоб им долго стучать,
Не предвидя конца.
Чтоб достичь им
Невиданного долголетья,
До краев, дополна
Вы в них радость налейте!

* * *

Разве сердце может быть без крыльев?
В это я не верил никогда.
Испокон недаром говорили:
«Сердце вылетает из гнезда...»

По небу надежды сердце мчится,
Остановишь — и оно мертво...
Так лететь бы и лететь, как птице,
Мне на крыльях сердца моего!

* * *

Для влюбленных луна создана.
Появляется ночью она,
И на доброе око луны
Смотрят двое, когда влюблены.

Им расстаться и за полночь жаль.
Накрывает их лунная шаль
Мягким светом и дарит уют
Тем сердцам, что от счастья поют.

Но в наш век забивает неон
Лунный свет, и померк уже он
Для стихов, хоть не раз на веку
Украшал он собою строку.

Космонавты, идя по Луне.
Вспоминаете ль вы в тишине,
Что Луна, как ее ни зови
Нынче, все же подруга любви?

И любою страницей своей
Будет вечно признательно ей
Счастье двух, ставших жизнью одной,
Вставших рядом под белой луной.

* * *

Мы с тобою под небом Кавказа,
Под клубящимся белым гуртом,
В самом деле, как будто два глаза,
Разделенные горным хребтом.

Если плачем, то плачем мы оба,
И смеемся не порознь мы.
Это будет до самого гроба,
До последней, до аспидной тьмы.

* * *

Послушай, жизнь, зачем так рано детство
Ты отняла когда-то у меня,
Рассвету жестко навязав соседство
До срока созревающего дня?

Суровостью сиротства испытала,
На тяжкую работу обрекла.
Но все же в испытаньях не устала
Моя душа и крылья обрела.

Когда мои друзья купались в речке,
Купался я — увы! — в своем поту.
Сидели они, нежась, на крылечке,
А я вкушал работы маету.

Я от забот не ахал и не охал —
Был юных сил неистощим запас!
Под жарким солнцем кукурузу тохал,
Чай собирал, коров колхозных пас.

И сердце все равно, ликуя, пело,
Когда, покинув тишину двора,
Арба моя неновая скрипела,
Везя меня, мальчишку, по дрова...

Послушай жизнь, и все-таки, как чуду,
Молюсь тебе в твой каждый дивный миг!
В твоей тени я никогда не буду
Лежать, как умирающий старик.

Пусть баловнем твоим не стал, как кто-то,
Твой пахарь, твой пастух, твой честный страж,—
Моя любовь, надежда и работа,
Ты поседеть моей душе не дашь!

ОСЕННЕЕ РАЗДУМЬЕ

Дует ветер.

Дует сильный ветер.
Ветер обворовывает ветви,
Листья оборвав, швыряет оземь...
Осень наступила.
Осень, осень...
Вот и годы, словно этот ветер.
Задувают годы все на свете:

Птиц, людей...
Как будто негодуют,
Как на ветви ветер,
дуют, дуют...
Торопливо и неутомимо.
Жизнь, как с ветки лист,
смахнут
и — мимо...

* * *

Я в зеркала смотреться не хочу,
Заметив как-то, что неумолимо
Льнет серебро к весеннему лучу...
А годы все быстрее — мимо, мимо!

О седина, хочу тебя спросить:
Что делать мне с тобою? Чем скосить
Еще я Не готов на мир часами
Смотреть твоими белыми глазами!

* * *

От человека молодость ушла,
Но ты об этом не веди с ним речи.
Пусть верит, что незримые крыла,
Как некогда, его венчают плечи.

Когда минуют времена утех,
То в кровь начнет закрадываться холод.
Не подноси беззубому орех,
Пусть верует, что он, как прежде, молод.

В ПОЛЕТ

Голубь на ладони у меня.
Смотрит даль в глаза ему, маня.
Грудь его такой голубизны,
Как глаза ребенка и весны.

Встрепенулся вдруг он и взлетел.
И небес раздвинулся предел.

Опустела, зависть затая,
Как аэродром, ладонь моя.

* * *

Казалось бы: ну что такого?
Промчались кони по селу.
Пылится на земле подкова,
Никем не поднята в пылу...

Ах, далеко умчались кони!
И понял я, что никому
Не нужен буду также, коли
Любви, и делу своему,
И долгу изменю... Тогда мне
Моей знакомой стародавней
Подковой, что приметил я,
В пыли остаться забытья.

* * *

Проснулся я перед рассветом
И вышел из дому... Точь-в-точь
Как в юности, далеким летом,
Вздыхая, отступала ночь.

Проснулся новый день со мною,
Зарделись облаков края,
И мне казалось: с сединою
Простившись, встретил юность я.

ЛУНА

Тебя вознес удар богатыря
Туда, где до того жила заря.
Как шаль невестки молодой, светла,
Ты свет на купол неба пролила.
Так осторожна ты и так тиха,
Как нежный лад любовного стиха.
Кого ты ищешь на небе, луна?
Не в солнце ль ты случайно влюблена?
Оно в испуге скрылось от тебя,
Ответною любовью не любя.
Нет, не ищи его на дне морском,
Где ночью оно ходит босиком,
И днем вам с ним не встретиться, хотя
Ты слезы проливаешь, как дитя.
не эти ль слезы звездами горят
И о любви великой говорят
Тому, чья безответная любовь

Рождает звезды чувства вновь и вновь?..

СПАСИ, СУДЬБА...

Я возношу молитву не тайком:
Спаси, судьба,
Быть дряхлым стариком,
Случайно пережившим
В этом мире
Тех, с кем дружил
Иль просто был знаком.

Я не хочу, чтоб потускнел мой взор
И видеть перестал
Вершины гор,
А сердце
Свет не излучало боле,
Вчера напоминавшее костер.

Я не хочу, чтоб сделался я глух
И звуков не улавливал
Мой слух;
Крик петуха
И посвист молодецкий
Милей мне,
Чем ворчание старух.

Нет, не хочу,
Чтоб, немощен и хил,
Я лишь воспоминаниями жил
И по работе
Подсобить домашним
Или соседям
Не имел бы сил.

Быть схожим не хочу
С трухлявым пнем,
Чтоб сонно кости греть
Перед огнем
И окна закрывать,
Боясь простуды,
Безветренным, погожим,
Теплым днем.

Боюсь дожить до ветхих лет,
Когда
Аджика преисполнена вреда
И амачари пить нельзя,
Поскольку
Она немного крепче,
Чем вода.

Минуй меня, печальная пора,
Когда тупеет
Острие пера
И конь лихой,
Что брал призы когда-то,
Приемлет участь
Жалкого одра.

Не дай-то бог
Мне выжить из ума,
И сделаться подобием бельма.
Я жить хочу,
Покуда сердцем молод
И честный хлеб свой ем не задарма!

* * *

Не оставьте меня без вниманья,
Слова вдохновенья,
В полдень,
В полночь,
В теснине ущелий,
На синем просторе,
Будьте всюду со мной,
Слова вдохновенья...
Если вдруг в мою сторону
Двинется горе,
Вы его отведите,
Введите его в заблужденье...
Если хлынет вдруг радость ко мне,
В стороне не останьтесь,
Станьте крыльями
И па вершину ее подымите.
Заклинаю,
С любовью и верой моей
Не расстаньтесь,
Вас прошу,
Из долины надежды моей
Не уйдите...
Красной нитью
Пройдите сквозь строки мои
И зажгите
Пламя в сердце моем...
Ну, а если вам станет известно,
Что в далекой дали
Я застрял на утесе над бездной,
Боевые друзья,
Мне на помощь немедля придите.
О слова вдохновенья,
От вас только жду я спасенья!

ДУМЫ МОИ

Мои думы —
Они как река,
Что ворочает камни в пути.
И, свободные как облака,
Не желают
Сидеть взаперти.

Мои думы —
Они далеко
Уносились в назначенный час.
Сквозь игольное даже ушко
Проникали,
Что было не раз.

Не преграда
Эрцаху для них,
Ибо робость не свойственна им.
И порою в пределах ночных
Над простором летают
Земным.

Неподкупны, как совесть, они.
Доводилось,
Событьям под стать,
Быть им грустными
В ясные дни,
А в ненастные дни ликовать.

Словно улей
Моя голова.
И не только медовой порой,
Как пчелиный,
Имеет права
Вновь роиться невидимый рой.

* * *

День — это повесть в переплете зорь,
И снова сообща ее мы пишем
Там, где порой разгоряченно дышим
И на рубахах ощущаем соль.

Рождаются страницы бытия,
И, схожая с магическим кристаллом,
Наделена значением немалым
В них каждая из букв от «А» до «Я».

И об одном я знаю наперед —
Что эта неприкрашенная повесть,
Написанная, кажется, на совесть,

Украсит сборник под названьем «Год».

НОВЫЙ ГОД НА БЕРЕГУ МОРЯ

На берегу морском встречаю Новый год.
Он близится, как судно к неведомой земле.
И море, мой сосед, со мною вместе ждет:
Какие Новый год дары несет во мгле?

А ветер шелестит, страницы вод листая.
Стою на берегу, жду перемен в судьбе.
Несется взапуски жемчужных гребней стая,
Как будто Новый год несет нам на себе.

ВЕСНА

Весна Земле, как врач, нужна.
Явившись поздно или рано,
Рукой целительной она
Все зимние залечит раны.

Весна лесам, как врач, нужна.
Она сады, что в стужу спали,
Напоит соком допьяна,
Чтоб зелены, как прежде, стали.

Весна воде, как врач, нужна,
Чтоб наконец освободилась
Морей и рек голубизна,
Что долго подо льдом таилась.

Всем, всем весна, как врач, нужна.
Прогнав из сердца зиму злую,
Вновь возвращает нам весна
И силу, и любовь былую.

* * *

Хороша она ликом и статью.
Почему же такой благодатью
Не прельстились еще до сих пор
Удальцы женихи среди гор?

Я бродил по полянам заречья,
Там шмели — золотое оплечье —
День-деньской пили мед из соцветий,
Самый лучший цветок не заметив.

СЛОВО ДРУГА

Слово друга, и не раз,
Выручало в жизни нас.
Опасайся пренебречь им,
Ибо слово друга нечем
Заменить в недобрый час.

В слове друга — правды суть,
За нее не обессудь:
Пусть хоть горечь пить заставит,
Но за то, гляди, наставит
И тебя на верный путь!

* * *

Они друг другу угрожали,
И ярость их звала к расплате.
Казалось, что в руках держали
При этом оба по гранате.

И нужен был здесь миротворец,
Опасность видящий в раздорах,
Но рядом оказался горец,
Подбрасывавший искры в порах.

Блаженно потирал ладони
Он в непосредственном соседстве,
Когда противники в уроне
Остались при его посредстве.

ТЕРПЕНЬЕ

Терпенье — правая рука победы.
Пословица

Друг, не ропщи, побойся бога.
Терпенье — длинная дорога,
Крутой подъем под облака,
Надежда верного залога,
Победы правая рука.

Терпенье — крепости осада,
Семьи спасенье от разлада,
Смиренье грозного клинка.
Терпенье — мужеству награда,
Победы правая рука.

* * *

Не пугайся, что труд будет тяжек,

И, усердствуя в поте лица,
Ты, себе не давая поблажек,
Дело в срок доводи до конца.

И оказывать лени потворство
Опасайся и в зной, и в метель.
Гору сдвинешь, являя упорство,
Лишь была бы возвышенной цель.

* * *

Враг угрожает вам, но вы
Не преклоняйте головы
Перед его угрозами
И лживостью молвы.

Потрафил недруг вам, но вы
Не ослабляйте тетивы:
Порою благодушие
Нам стоит головы.

* * *

Если равному хлеб-соль
Равный дружески поднес,
Высока ее цена,
Словно равенства сторон.

Если властному хлеб-соль
Покорившийся поднес,
То горька ее цена,
Унижению сродни.

* * *

С вершины по тропинкам горным
Проходят женщины все в черном.
Я слышу плач и причитанье жен,
Направившихся к месту похорон.

Будь мать моя жива, она б в печали
За ними поспешила в черной шали,
И с головой опущенною шла,
И слезы неподдельные лила.

* * *

В последний путь односельчане
Несли его со скорбью строгой.

Несли в торжественном молчанье,
А вслед в цветах вилась дорога.

Процессия достигла цели,
Во двор кладбищенский вступила.
На всем пути цветы пестрели,
А впереди — черна могила.

И тщился я к тоске бесплодной
Смысл отыскать простой и точный:
Зачем во мрак, пустой, холодный,
Идем дорогою цветочной?

* * *

Бессильна перед зноем
Была деревьев тень.
С нас лился пот, как будто
Воск с тающих свечей.
Казалось, задыхался
Адоподобный день,
Вложить в ножны мечтая
Мечи своих лучей.

Дышать, как рыб на суше,
Он смог принудить нас.
И каменные стены
Наполнились огнем.
Но все же, долгожданный,
Настал блаженный час:
Спустилось к морю солнце,
Чтоб выкупаться в нем.

КО БЛАГУ

Когда просветляют нас слезы,
То это ко благу.
И если живительны грозы,
То это ко благу.

Тьма ночи, что сводит влюбленных,
Волшебна ко благу.
Чурается троп проторенных
Удача ко благу.

* * *

Я в деревне гостил, и чуть свет
Петухи разбудили меня.
И встречал я рождения дня

На тропинках мальчишеских лет.

В небе звезды белели. Оно
Полем хлопковым мне показалось,
Солнце хлопок убрать постаралось,
Мир теплом одарив заодно.

ЗВЕЗДА И КОЛОДЕЦ

Колодец чистить взялся я
И, не имеющий сноровки,
В него был спущен на веревке,
Как деревянная бадья.

Во мраке я ступил на дно,
Дух замирал, и ноги стыли,
Мерещилось, что я в могиле,
Где быть еще мне суждено.

Но поднял голову когда,
Тем удивлен я был немало,
Что в небе дня, светясь, мерцала
Земной судьбы моей звезда.

Она звала меня наверх,
О жизни истово вещала
И, опекая, защищала,
Благая, верная навек.

В ГОРОДЕ ЗАПЕЛИ ПЕТУХИ

Вершин подсвечены верхи,
В жилищах окна заалели.
И в городских дворах запели
Проснувшиеся петухи.

Курьерский прибыл из Москвы,
Летят машина за машиной.
Здесь в час побудки петушиной
Вам кажется: в деревне вы.

Впрямь не порвалась связь времен,
Вам петухов напомнит пенье,
Что город этот возведен
На месте древнего селенья.

И верят петухи, что тьму
Прочь гонят, приложив усилья.
И голосят, взметая крылья,
Как на деревне потому.

День начинается с пролога,
С багрянца в дымке голубой.
И петушиный крик намного
Древней часов, чей слышен бой.

Я НЕ В ГОРОДЕ РОДИЛСЯ

Никуда от былого не деться,
Я родился в абхазском селе
И следы босоногого детства
На крестьянской оставил земле.

Но покинул я вскорости горы,
Вспоминая лишь изредка их,
И стремительной юности годы
Среди улиц провел городских.

Здесь я, мир познавая, учился
И обрел закадычных друзей.
И в одну из красавиц влюбился,
И женился, счастливец, на ней.

И стихи свои первые тоже
Здесь сложил и в газету отнес.
Был тогда я намного моложе,
Неизвестен и черноволос.

Доле, выпавшей мне, не перечу,
Своевольность ценю в молодых.
И однажды здесь смерть свою встречу,
Среди улиц умру городских.

Но все чаще и не без причины
В те места улетают стихи,
Где село окружают вершины
И поют на заре петухи.

* * *

Лизнув скалу багровым языком,
Из-за нее всходило солнце снова.
Мычала в нетерпении корова,
В срок вымя чье набухло молоком.

И, отогнав настырного теленка,
Доила мать притихшую корову.
Потом несла к проснувшемуся крову
Она подойник, полный молока.

СОЛНЦЕ И Я

Солнце, доброе утро! Славно выспалось ты,
Так лучи твоих глаз и добры, и чисты.
Ты лучи посылаешь на Землю без счета.
Солнце, руку мне дай, снова ждет нас работа!
Разобью, расколю я мороза броню,
Ты ее растопи в дар весеннему дню.
Посажу деревцо я, ольху молодую,
Ты ее разбуди, твоей помощи жду я.
Под ольхой посажу я лозу винограда,
Напои ее соком, чтоб крепла отрада.
Как овец, подстригу я плантации чайные,
Ты от них отведи все невзгоды случайные.
Я на каменных склонах сады разведу,
Нарумянь ты им щеки у всех на виду.
Оградить я забором долину готов,
Чтобы ты подарило ей много цветов.
Словно дождь, я пройду и посею пшеницу,
Сделай так, чтоб от холода ей не томиться.
Дом построю высокий, до неба почти,
Будь хозяином в нем, обогрей, освети.
Солнце, доброе утро! Дай руку мне, друг!
Ждет сегодня нас много работы вокруг!

* * *

В пределах края отчего,
Что весь похож на диво,
Завод — оплот рабочего,
А землепашца — нива.

Строкою неизбитою
Мне б высечь искру света.
Слывут стихи защитою
Достоинства поэта.

РАССВЕТ

Как свечку дуновенье ветра,
Разрушившего тишину,
Вы, белые шаги рассвета,
Задули звезды и луну.

Полей развеселились ситцы.
В овраг, сдыхая, без хвоста,
Забилась загнанной лисицей
Растерзанная темнота.

Разбужена округа светом,
Не обошедшим никого,
Его торжественным приветом,

Веселым лепетом его.

Рассвет цыплятами заполнил
Пространство летнего двора,
Телятам маленьким напомнил
О том, что завтракать пора.

Июль горяч, как сковородка.
Тут не зевай и не скучай!
Рассвет — задание и сводка:
Уже поспел для сбора чай.

Рассвет... Он весь в поту, ты видишь?
Кого в усердье с ним сравним?
И ты, конечно, не обидишь
Его и в поле выйдешь с ним.

ЖЕРЕБЕНОК

Это еще игра:
Вылетел со всех ног
Опрометью со двора
Резвящийся стригунок.

Еще он не знает шпор
И трудовых дорог,
Летящий во весь опор
Игреневый стригунок.

Мчится он по шоссе,
Ветру подставив грудь.
Автомашины все
Ему уступают путь.

А может, крылатый он,
Как будто бы конь Пегас?
И всадник его рожден.
Чтобы писать о нас?

СВЕТЛЯЧКИ

Склонившие колени
Пред молодой листвой,
Слились привычно тени
С полночной синевой.

А рядом рдеет снова
Летающий огонь.
Фонарика живого
Сажаю на ладонь.

Меня фонарик дразнит,
Загадочность таит.
Он на ладони гаснет,
Но, улетев, горит.

Весной в часы ночные,
Покинув тайнички,
Как искорки печные,
Летают светлячки.

А днем, куда ни выйдешь,
Ни в долах, ни в лесах —
Нигде их не увидишь,
Как звезд на небесах.

Мерцая, что вещают
Они, летя сквозь тьму?
Дорогу освещают
Вновь до утра кому?

Был брошен в порох ночи,
Быть может, с облаков,
Чтоб стала ночь короче,
Рой красных угольков?

Как будто бы свечные
Витают язычки.
Фонарики ночные —
Летают светлячки.

* * *

Лето. Жара. Небеса над землей,
Как раскаленный зонт жестяной.
Перехватило дух у дорог,
Будто прошиб их огненный ток.
Сушит деревья бестрепетный зонт...
Вдруг, чернотой заслонив горизонт,
Туча возникла огромной цистерной,
Помощью скорой, надежной и верной.
Чтоб уничтожить недуг без следа,
Выгнала ветер она из гнезда,
Он полетел, все вокруг оживляя.
Капля упала, за нею другая —
Богово он опрокинул ведро,
Хлынуло с неба дождя серебро.
Дух с облегченьем перевели
Травы и листья — дети земли.
Ливень поет — в пляс природа идет,
Черная туча спасенье несет.
Вспомнилась строчка, душой завладела:
«Туча черна — не черно ее дело».

В ДНИ ЗАСУХИ

Желтолицая засуха,
Горы окрест подпаля,
Не впервой наших мест
Норовит уничтожить поля.

Вновь задолго до осени
Лист пожелтел и пожух,
А долины, морщинясь,
Походят на лики старух.

Ненавистное солнце,
Склонясь на коровьи рога,
До единой травинки
Старается выжечь луга.

Пересохшая речка
Дороги разбитой сродни.
И с открытыми клювами
Птицы примолкли в тени.

Люди солнце клянут,
И мечтают о тучах они.
Поскорей бы явились
Дождливые, хмурые дни!

Желтолицая засуха
Прах поднимает до круч.
Где ты, ветер — пастух
С барантою клубящихся туч?

Сделай милость, явись!
Станет пастбищем пусть высота.
И, заполнив всю высь,
Всласть пасется твоя баранта!

О ТУЧИ!..

О тучи! Вы в небе, не знающем края,
Как горы белы, будто снегом одеты.
Вы вечером, в пламени алом сгорая,
Уходите, чтобы явиться к рассвету.

Порой вы мне кажетесь вспаханным полем,
Где трактор прошествовал с грохотом, гудом.
Вы мне открываетесь близкой до боли
Землей плодородною — явленным чудом.

Я вижу, как всадник, что в бурку закутан,

По вашим крутым подымается склонам.
Потоки срываются... Вижу я, будто
Озера сверкнули простором зеленым.

Я вижу: в папахе своей неизменной
Пастух опирается на алабашу *.
И стадо пасется в траве по колено,
Схватились бараны, но бой их не страшен.

Лучи, те, что вас после ливня пронзают,
Не дочки ли вашей блестящие косы?
Поблизости где-то луна проплывает —
Невестку в смущенье бредет по откосу...

Мне мнится; электроэнергией вашей
Все звезды зажглись, небосвод переполнив,
И все ваши жители строят и пашут,
В согласье живут, о вражде и не помнят.

О тучи! Небесные горы вам имя!..
На вас с восхищеньем смотрю я, не скрою...
Когда над горами стоите моими,
Я вижу — те выше становятся вдвое.
---

* *Алабаша — пастушья палка.*

ОСЕНЬ

Срок осени извечен,
Багрец на алыче.
И встал над полем вечер,
Серп лунный на плече.

И вечер с полем слился
И, пот стерев с лица,
Крестьянину явился
В обличии жнеца.

* * *

Люди землю упрямо пашут, чтобы не голодать.
И за это земля, расщедрившись, им хлебом спешит воздать.
Чтобы не мучиться жаждой, люди землю буравят.
Чистой, как слезы, водой они насладиться вправе.
Люди лозу возвышают, дерево подле сажая,
Чтоб снять тяжелые грозди осеннего урожая.
В горах и долинах весенних травы зазеленели,
Чтобы кормов было вдоволь, чтобы стада тучнели.
Люди в степях пустынных прокладывают каналы,
Чтобы от смертельной жажды сухая земля не стонала.

Преодолев притяженье земное, в космос уходят герои,
Чтобы восславить земные дела,
Чтобы еще надежней наша земля была.
Сколько таит она мощи, сколько в ней сил глубинных!
Пусть шире станут равнины, пусть выше будут вершины!
Покоя вовек не узнает человек — земли властелин,
Ее хозяин рачительный, ее почтительный сын.

МОНОЛОГ ОСЕННЕГО СОЛНЦА

Видите, мои лучи ослабели, потускнели.
И не так я всемогуще, как считали вы доселе.
Яблоко, прощайся с веткой, от меня румянец твой,
Волею моей ты зрело, осененное листвой.
С деревом прощайся, груша, — я тебе дарило мед.
С деревом, гранат, прощайся, красоты и счастья плод.
Длинноногая южанка — кукуруза золотая,
Бережно неси початки, по полям страны шагая.
Гроздья, вам пора в корзины — наступило время сбора:
Видите, ольха устала — ваша верная опора.
Подымайтесь пирамиды мной взлелеянного сена.
Волны чая чуть поблекли, а была зеленой пена.
И тебя, табак мой красный, пестовало я не зря...
Ты, хурма, еще на ветке, трепетная, как заря?
Мандарин мой золотистый, падать ты повремени.
Перец, боевой и дерзкий, мой огонь в себе храни.
Опустел ты, берег моря, словно театральный зал
В час, когда спектакль окончен. Ты, как человек, устал.
И к влюбленным я взываю: вы простить меня должны —
Я в саду для вас скамейку не очищу до весны.
Вы меня простите, люди, что я грею так несмело,
Что уже на берег моря не прийти в сорочке белой.
Старики, меня простите — под платаном серебристым
Отдохнуть вам не придется, утешаясь ветром чистым.
Юные, прошу прощенья, что луга заиндевели,
Что цветы вам подарю я только в будущем апреле.
Ты прости меня, хозяйка, за осенний пестрый сор
И за то, что ты от листьев все убрать не можешь двор.
Но несется время быстро, снова будут дни ясны.
Скоро теплые лучи вам я пошлю рукой весны.

* * *

Переменчивы страсти мирские,
Вот купанья окончился срок,
Лижут холодно волны морские
Опустевшего пляжа песок.

Но купаться на берег безмолвный
Ходит дева одна до сих пор.
На груди ее греются волны,

Молодой обретая задор.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

Шаль черная!
Не сказка ты, а быль:
На свет ты появилась белой птицей,
Одев невесту белизной,
Не ты ль
Звала всех радоваться и веселиться?

Когда невеста лебедем плыла,
Как белый голубь, ты над ней парила,
И озаряла,
И, белым-бела,
Ее ты белым счастьем одарила.

А время шло...
И вдруг пришла беда:
Сестра нежданно потеряла брата.
И бросила она в котел тогда
Тебя, и сделалась черней котла ты...

Пусть зной палит,
Пусть дождь сечет простор,
Но ты не выгораешь,
Не линяешь:
Всех матерей печаль
И всех сестер
Тоску
Ты безоглядно разделяешь.

...Не раз я видел:
Входит в дом беда —
И сразу ты чернеешь
В день печальный...
Шаль черная
С судьбой многострадальной,
Тебе идет лишь белый цвет
Венчальный, —
О, будь царицей белизна всегда!

* * *

...Вновь я посетил тот уголок земли...
А. С. Пушкин

Я недавно там был, —
Как знакомо все,
Как незнакомо!
Старый двор наш —

Как он опустел,
Изменился — без дома...

Рухнул наземь инжир,
На деревьях засохла лоза,
Только старая груша,
Терпенья полна, уцелела,
В запустении зимнем
Грустит лавровишня,
И в тело
Бедной яблони
Злые колючки впились...
Голоса
Певчих птиц не слышны.
И отважно живет лишь трава,
Что по-прежнему тянется ввысь
И годам не сдается.
Но быльем поросла,
Потерялась тропа,
К роднику не торопится больше,
Средь камня не вьется...

Я стою и грущу...
В это время —
Откуда? к добру? —
Вижу я, мое детство вернулось:
Веселое, мчится,
Прохудившийся мяч
По пустынному гонит двору,
Со двора убегает,
И пыль только следом клубится.

Оно мчится к реке
И бросается в темную заводь,
Звонкий голос его вдалеке
Раздается —
Ему бы все плавать!
Дни бегут...
Утром школа...
Но рано, но быстро взрослело
Мое детство:
Пахать не пора ли?
Берется за дело.
Заменившее руки мужские,
Что взяли оружье,
Оно ходит меж чайных кустов,
Наполняя корзины...
Груз взвалило на хрупкие плечи,
Страды не нарушив,
Все мужские заботы, —
О давние эти картины!..

В волны памяти я

Погружаюсь на старом дворе:
Вот семьей собрались мы,
И мать собирает нам ужин,
И наш дом еще весел,
Годами еще не разрушен.
Мать зовет нас к столу:
— Поживей, ведь вставать на заре!..
Надо к чайным кустам
До палящего солнца успеть,
Чтобы нежным побегам
Не дать загрубеть...

Старый двор наш!.. На днях
Я пришел туда вновь...
Голоса
Мне почудились милых и близких...
Под отчею крышей
Всей семьей собрались мы.
Опять зеленеет лоза.
Что-то тихо и ласково
Мать говорит —
Не расслышу...
Мама! Выйди навстречу,
Меня задержи на бегу,
Дай мне в руки кувшин
И пошли за водой к роднику.

МАМА

Пока на свете ты жила,
Все мальчиком я был,
Ребенком...
Я выходил — ты следом шла
То до ворот, то до угла.
— Сынок! — кричала мне вдогонку. —
Будь осторожен! —
А потом,
Когда домой я возвращался,
Твоею радостью весь дом
Всегда, как солнцем, освещался.
И если я грустил порой
Иль чем-нибудь бывал встревожен,
Ты спрашивала: — Что с тобой?
Сынок, ты нездоров, быть может? —
Когда ж е я, не чуя ног,
Впервые шел с подругой рядом,
— До счастья твоего, сынок,
Я дожила. И, видит бог,
Мне больше ничего не надо! —
Ты кинула в ночную тишь
И тут же отошла в сторонку...
А позже пела: — Спи, малыш,

Ребенок моего ребенка! —
Пока на свете ты жила,
Хоть стал я взрослым,
Тем не менее
Все был ребенком, без сомненья...
И вот — ты навсегда ушла,
Все отдала мне во владенье:
Любовь, и ласку, и волненье, —
Лишь детство ты мое взяла...
С собой лишь детство унесла...

* * *

О солнце, ты небес волшебный жернов!
Мы у твоей безмерной доброты
В долгу великом...
Золотые зерна
Без устали размалываешь ты.
Течет мука тончайшего помола
По всей земле,
И, золотом горя,
Она ложится на хребты и долы
И посыпает реки и моря.
В ней — силы человеческой источник,
Она блестит в траве, на крыльях птиц,
И стряхивать ее никто не хочет
С воды, с колосьев, с камня, с листьев, с лиц.
И с помощью ее на белом свете
Хлеба встают,
И ей благодаря
Есть на земле живой и теплый ветер
И блещет чистым золотом заря.
О солнце, солнце,
Силой животворной
Муку свою ты щедро надели!
Пока ты мелешь золотые зерна,
В движенье быть
Всем мельницам земли!

НАЕЗДНИЦА

Люблю я под куполом сини
Бывать на майдане в Лыхны,
Где удалью блещут поныне
Наездники и скакуны.

Не в рог протрубила ли бычий,
Как встарь, обновленная весь?
Абхазцы — прекрасен обычай —
По праздникам сходятся здесь.

Пешком, и верхом, и в машинах
Из разных стекаются мест.
А тучки на дальних вершинах
Белеют, как шали невест.

Нарядна толпа, многолюдна,
Гудит, как встревоженный рой.
С назначившим встречу нетрудно
В толпе разминуться порой.

И, венчанные башлыками,
Ретивых коней знатоки,
Беседуют со стариками
Под сенью дерев старики.

И скачек минувших виденья
Воочию им предстают.
И вновь скакуны в нетерпенье
Копытами землю гребут.

И в гордых речах вспоминают
Наездников тех имена,
Что ярко звенят и сверкают,
Как сказочные стремена.

И ждать лошадям неохота.
Но вдруг с голубой вышины
Послышался гул вертолета,
Которого ждали в Лыхны.

И вот вертолет приземлился,
И, весь золотой, как огонь,
В открытых дверях появился
Под Насою Чацбою конь.

Под стать амазонке одета,
С бровями чернее грозы,
В Лыхны раскрасавица эта
Брала не впервые призы.

— Клянусь, — кто-то выкрикнул, — наша
Наездница всех обойдет!
Скакун ее правда Араша *,
Чьим пастбищем был небосвод.

И всадники, стройно гарцуя,
Казалось, скрывали крыла.
И лошади, словно танцуя,
Шли к старту, грызя удила.

И гул огласил всю округу,
Когда, чуть касаясь земли,
По кругу, по кругу, по кругу

Горячие кони пошли.

Парней привечали землячки,
Пророчили скачки исход,
Но вырвался в бешеной скачке
Скакун Насы Чацбы вперед.

Он словно летел, а не мчался,
И белый платок головной,
Как будто башлык, развевался
Хозяйки его за спиной.

И первая в крае невеста,
Прекрасны чей облик и стать,
Сумела взять первое место
На скачках лыхнынских опять.

В седле над толпою людскою
Наездница, стан наклоня,
Ласкала точеной рукою
Намокшую шею коня.

И, внемля заздравному гласу,
Окрест отозвались хребты.
Летели, осыпавши Насу,
Коню под копыта цветы.

Она не чуралась почета,
Но, должную скромность храня,
В открытую дверь вертолета
Направила вскоре коня.

И в синь голубого предела,
Что был, словно кубок, пьянящ,
Она из Лыхны улетела
В селение горное Нашь.
---

* *Араша — волшебный конь*.

ВЕЧЕРНЯЯ ВСТРЕЧА

Сошел на землю предвечерний час.
И солнце, превратившись в медный таз,
Катилось вниз по крутизне предгорий,
И чайная плантация, как море,
Шумела, разливалась предо мной.
Но я нашел тропу в простор земной...
Она синеет, словно Бзыбь-река.
Иду по ней. Она бежит, легка,
Вперед... И вдруг некстати, невпопад
Срывается с горы, как водопад.

Вниз хлынула... Не удержать меня:
Я вместе с нею на закате дня
Лечу... Вот мост. А под мостом река,
Бушует Чоу, седая, как века.
И крепость, как надгробье, за мостом
Грустна... Покрыта мхом...
О ней потом...
А у подножия твердыни той,
Как старое сказание, седой
Сидит старик. Он смотрит вдаль куда-то.
Дым его трубки в сторону заката
Плывет как бы в раздумье, не спеша.
Витает далеко его душа...
Нарушить не хочу его покоя,
Но он меня заметил и рукою
Дал знак. Я подошел к нему с поклоном
В час, когда солнце спряталось за склоном,
За каменистой седовласой кручей.
— Да ждет тебя, мой сын, благополучье! —
На «добрый вечер» он сказал в ответ,
Как будто мы знакомы сотню лет,
Сесть предложил, и я не отказался.
Спросил меня, как здесь я оказался,
Кто я, откуда и куда иду...
И я спросил его: — Что за беду
Скрывает эта крепость, что за тайну?
Ведь так она печальна не случайно!
— Что ж, было время, не коснулось нас,
Давным-давно, — он начал свой рассказ,
Поглаживая бороду свою, —
Весь труд, весь пот людей у нас в краю —
Все поглощала крепость, этот дом,
Бесчеловечный жил правитель в нем,
Хозяин грозный... Жители, спеша,
Шли мимо стен, от страха чуть дыша:
А вдруг проснется изверг?.. Быть в аду
И самому, и всем в его роду
Посмевшему встревожить ненароком
Хозяина во сне его глубоком...
Он был жесток. Он был неумолим.
О, сколько судеб было смято им!
О, скольких он, не выслушав ни слова,
Оставил гибнуть без куска, без крова
И скольких в край чужой угнал, как стадо,
Тех, что не угодили в пекло ада...
С его двора текла река несчастья,
Он полагал — все у него во власти,
Считал — как низок неба потолок!
Он головой его пробить бы мог...
А эта крепость, этот пышный замок
Был местом пиршества для знатных самых...
Но время шло, из света шло во тьму,
И смерть пришла к правителю тому.

Взяла его с собой без разрешенья,
От своего не отступив решенья,
Но — избавлением для нас не стала... —
...Старик замолк. Потом вздохнул устало
И бросил взгляд печальный в глубь ущелья.
Жизнь трудно прожита. Достигла ль цели?..
Но я задать вопрос ему не смел,
И взглядом умоляющим смотрел,
Боялся, что рассказ споткнется вдруг,
Воспоминания замкнется круг...
Но зря я беспокоился: старик
Листал воспоминанья, как дневник:
— Как я упомянул уже, несчастье
Повисло над народом, как ненастье,
Как черный саван, гибелью грозя...
Все собрались — дворяне и князья,
Все жители оставили дома...
Была тогда глубокая зима.
Снег до бровей...
Мороз голодным волком...
Известие, неровня кривотолкам,
Пришло: в Сухуми жизнь оборвалась
Правителя... И вот тебе рассказ:
В долине собрались и стар и мал
И двинулись вперед, на перевал.
Они в горах усопшего встречали —
Шли босиком по снегу в знак печали...
Из всех один лишь отступил от правил,
Дед друга твоего, к кому направил
Ты путь сейчас, через десятки лет:
Он, Бадра Ажцба, был обут, одет...
Всем показалось это слишком смелым:
К лицу ли этак перед миром целым?..
Иным была по нраву эта смелость:
Что ж, поступил он, как ему хотелось!..
Дни были мук полны на самом деле:
Оплакивали целую неделю
Покойного правителя — была
Зима невыносимо тяжела...
И вправду — мертвеца-то погребли,
А зла похоронить мы не смогли!
Сын властелина после похорон
Призвал к ответу Бадру и, взъярен,
Обрушился на смельчака, как шквал:
«Как смел ты, негодяй?! Кто право дал?
Ты почему в дни плача был обут?..»
И просвистел вслед за словами кнут...
По телу Бадры пробежала дрожь.
Терпеть позор?.. Сейчас ты все поймешь!..
Удар ответный — и наследник с ног
Был сбит и встать живым уже не смог...
А Бадру спрятала лесная тьма...
Запомнилась надолго та зима

Всем нашим землякам. В тот черный год
Немало бед перетерпел народ:
В последний путь он многих проводил —
В родном краю прибавилось могил...
А близких Бадры Ажцбы в наказанье
Приговорили к вечному изгнанью...
Шли годы. Жизнь текла потоком мутным.
Но ведь от века было самым трудным
Жизнь задержать, остановить теченье...
...В горах абхазских как-то в час вечерний
В глухом ущелье, где и в полдень мгла,
Где сумрачная хмурилась скала,
У каменного голого подножья
Очаг зажегся — дым поплыл, тревожа
Вечернюю звезду на склоне дня...
Сидел и грелся Бадра у огня:
Здесь поселился он врагам назло...
С тех пор воды немало утекло.
И время разрушалось и старело,
Подобно этой крепости замшелой...
И там, где Бадра жил, близ троп оленьих,
Возникло Доу — богатое селенье,
Где ныне Бадры здравствуют потомки...

.....

Бурлила Чоу весело и громко.
И тут рассказчик мой остановился...
Уж вечер окончательно спустился,
В сиянье звезд звенела тишина,
Еще не вышла из-за туч луна.
И вдруг вдали свет нестерпимый вижу:
Мелькнули фары. Вот все ближе, ближе...
Со стариком простившись, я поднялся.
Вот грузовик со мною поравнялся,
И я, простившись с крепостью старинной,
На плоскую его взобрался спину.
Шел вверх он, то кружа, то напрямик.
Остался далеко внизу старик...
Назад, назад смотрел я в тишине,
Назад, назад... И все казалось мне,
Что там, внизу, о встрече не условясь,
Оставил недочитанную повесть...
Встал грузовик. Мы — над цепями гор.
Я на селенье Доу взглянул в упор:
Огни, огни... Вокруг горят огни —
В котел огромный ссыпаны они.
Сквозь времени необратимый бег
Смотрю: вот здесь скрывался человек,
Борец, изгнанник, что за честь свою
Готов был постоять в любом бою...
Где некогда и днем царила мгла,
Где сумрачная хмурилась скала,

Сегодня светом залито ущелье,
И жизнь царит, и гомон, и веселье!
Спускается в ущелье грузовик,
И кажется — пройдет всего лишь миг,
И он свои колеса подберет
И в море света кораблем вплывет...
А я все вспоминаю старика
И вниз смотрю, где бьется Чоу-река...
Мне кажется, я там в вечерний час
Оставил недочитанный рассказ.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Слов, не достойных чести и ума,
Каким соблазном ни был бы ты мучим,
Не изрекай, хоть навалилась тьма,
Не изрекай, хоть ты в лесу дремучем.

* * *

Когда под силу, то перешагни
Ты гору или дол в пределах века,
Но в этом мире через человека
Переступать — судьба тебя храни.

* * *

Над головою заметить нетрудно
Черные тучи, что к буре нависли,
А черное сердце таится подспудно,
И скрыты улыбкою черные мысли.

* * *

Не надейтесь на лошадь, которую в холе
Одиноко пасли, а взнуздайте коня,
Что возрос в табуне, на подоблачном поле,
Он при случае вынесет вас из огня.

* * *

Всему своя доля, всему свой удел.
И в мире подлунном обычно
Высокая мудрость имеет предел,
А глупость — всегда безгранична.

* * *

Пусть многолетней выдержки прекрасно
В покое прозябавшее вино,
Но прозябанье мужеству опасно,
И обновляться мужество должно!

* * *

Как расцвело бы познания древо,
Как бы в устах засверкали слова,
Если б такой ненасытной, как чрево,

Каждого в мире была голова.

* * *

С незапамятных лет, как пророки, живут поговорки,
И сбываются их под луной пророчества:
Не лелеявший всходов — раскается в пору уборки,
А друзей не ценивший раскается в час одиночества.

* * *

Хорошее слово — дороже коня,
Вынесет к свету из черного дня,
А слово худое, недоброе, злое —
Черной гадюки прямая родня.

* * *

Порой стоустая молва
Подобна острию кинжала,
И сердце многим пробивала
Она, исполненная зла.

* * *

Нет ничего на свете бесполезней,
Чем предаваться лени на веку.
Безделие — причина всех болезней,
Скала погибнет, лежа на боку.

* * *

Тебе не тяжко, если в ясный день
Тень за тобой навязчиво плетется,
Но если сам ты превратился в тень,
Тебе в дороге нелегко придется.

* * *

Малосильны речки и речушки,
Но когда сливаются вдали,
То грохочут, как в сраженье пушки,
На волнах качая корабли.

* * *

Пословица, как эхо,
Живет на склонах гор:
«Чужой дурак — потеха,
А свой дурак — позор».

* * *

Алмаз — вершина ценного кольца.
И женщина тогда лишь хороша,
Когда черты прекрасного лица
Венчает благородная душа.

* * *

Скрывая свой истинный лик
И мысли тая воровато,

Преступник — закона должник:
Час грянет — наступит расплата!

* * *

От слова не расплавятся снега,
И не набьешь цены себе зазнайством.
Не уничтожишь руганью врага
И мысли не возвысишь краснобайством.

* * *

Если жадность ты смог побороть,
То за бедным столом по заслугам
Сладок пиршески хлеба ломоть,
Разделенный по-рыцарски с другом.

* * *

Достойна лишь приметой возрастной
Быть седина в пределах всех широт:
Как мудреца, почтенной сединой
Глупца венчают годы в свой черед.

* * *

«Те велики, а эти малы », —
Так людей разделяют невежды.
Но не сшить даже бедной одежды
В этом мире без малой иглы.

* * *

Хоть иногда и торна и полога
Дорога непривычная, но все ж
Она трудней, чем горная дорога,
Которою ты сызмальства идешь.

* * *

Д ля лошади, чья в скачке сбита холка,
Слепень в жару безжалостнее волка.
И сито для бездельника не сито,
А круг тяжеловесный из гранита.

* * *

Крутись, планета!
Здравствуй, высота!
Уста поэта —
Совести уста.

* * *

Встретилось добро с добром сердечно.
Обнялись. Теперь идти им вечно.
Повстречалось зло со злом в дороге.
Обнялись... И протянули ноги.

* * *

Того, над кем смыкается вода,

Спасают водолазы иногда,
Но нет надежд спасти того, дружище,
Над кем земля сомкнулась на кладбище.

* * *

Когда нас тянет прошлое назад
И не дает в грядущее нам ходу,
Мы узы с прошлым рубим, как канат,
Чтоб обрести в движении свободу.

* * *

Соседу не напомню про обиду
И, не обмолвясь про его вину,
Как верный друг, плечо к плечу с ним выйду,
Когда пойдет сосед мой на войну.

* * *

У времени имеется четыре
Художника правдивых в этом мире,
Они бессмертны, словно жизнь сама, —
Весна и Лето, Осень и Зима.

* * *

История любого века,
Столкнув для схватки свет и тьму,
Ведет свой путь от человека
И возвращается к нему.

* * *

Учить глупца бессмысленно уму,
Такое не под силу никому:
Ведь на бесплодном камне невозможно
Посеять хлеб иль вырастить хурму.

* * *

Радетель отческой земли,
Как сорную траву пустую,
Лож ь с поля жизни удали
И правду сей на нем святую.

* * *

Кто не знал поражения, тот
Оценить не способен успеха.
Кто горючей слезы не прольет,
Не познает и сладости смеха.

* * *

Лишь затем, чтоб исцелить
От опасного недуга,
Не душе, а плоти друга
Вправе боль мы наносить.

* * *

У каждой тайны ключик есть,
Да где запрятан он, бог весть.
Кто ключ найдет, тому она
Открыться первому должна.

* * *

Неминучие долгие горести
Ожидают на свете того,
Кто пойдет против собственной совести
Ради выгоды дня одного.

* * *

Вчерашнее слово сегодня не ново,
Но если сегодня сумеешь, мой друг,
Грядущего дня обнародовать слово,
Признательный отзыв раздастся вокруг.

* * *

Наследник в мир шагнет с порога,
И станет, как судьбы залог,
Ему отцовская дорога
Началом собственных дорог.

* * *

Того не перекладывай на завтра,
Что сможешь ныне сделать, дорогой,
А то опередит тебя внезапно,
Перо сжимая, кто-нибудь другой.

* * *

Еще говаривали деды,
Совместно подвиги верша:
Одна у дружбы и победы
Неугасимая душа!

* * *

Из всех украшений от века,
Какие легко перечесть,
Не красило так человека
Ничто, как врожденная честь.

* * *

Бросишь шапку в середку оравы —
Станут шапку швырять и пинать,
Потому стерегись для забавы
Ты в толпу свое слово бросать.

* * *

Век доброго имени короток станет
Того, кто за длинным погнался рублем.
И слава дурная к такому пристанет,
Не зря она цепкостью схожа с репьем.

* * *

Изрек господь, не скрыв досады:
— Эй, привереды на земле,
Вы летом ищете прохлады,
Зимой печетесь о тепле!

* * *

Крестьянский дом, открытый для гостей,
Как будто бы для добрых новостей,
Палат дворцовых для меня богаче,
Устойчивей суровых крепостей.

* * *

Все вещи в доме хороши,
Но нет любви в нем, нету песен.
И хоть просторен дом, он тесен
Для очарованной души.

* * *

Всяк в этот мир свои приметы внес,
И видит наблюдательное око,
Что спесь высоко задирает нос,
А гордость носит голову высоко.

* * *

Душа в ином, бунтуя неприкаянно,
Куда моложе своего хозяина.
В другом она, исполненная холода,
Старей владельца, чье обличье молодо.

* * *

Да здравствует горячая работа,
Пусть соль на спинах выступит у нас, —
Надежда стоит пролитого пота,
Окупится он ею десять раз!

* * *

Где речка камню трется об щеку
Вблизи от облачной гурьбы,
Вновь солнце кажется аробщику
Багряным колесом арбы.

* * *

Можно время измерить и взвесить
Вдохновенной работой земной,
Но обмерить его и обвесить
Никому не дано под луной!

* * *

— Пес, ты за кем бежишь вдоль буерака?
— За зайцем вслед, — ответила собака.
— А ты, косой, за кем летишь вдогон?
— За собственной душой, — ответил он.

* * *

Заветы стариков не бесполезны,
И сказано потомкам не вчера:
«Приводит на вершину путь добра,
А тропы зла приводят в чрево бездны!»

* * *

Не напрасно говорится
Между всех людей труда:
«Кто умеет веселиться,
Тот продлит свои года!»

* * *

Покрывается слово порошей
Иль травой зарастает в кустах,
Если слово с полезною ношей
Не бытует на наших устах.

* * *

Невезучий далеко-далёко
Ищет счастья, сетуя на бога,
А везучий ищет не без прока
Счастье возле отчего порога.

* * *

Однажды доктор посетил
Без вызова мой кров.
— Чем болен ты? — он не спросил.
Спросил он: — Чем здоров?

* * *

Ущербен подозрительности ум,
Его владелец сам того виновник,
Что он покоя собственного кровник
И, как ни улыбается, угрюм.

* * *

Книги людям исстари подобны,
Нас не зря на подвиг вдохновить
Книги благородные способны,
А дурные могут погубить.

* * *

Гомера лаврами венчали,
Хоть мир темнел пред ним, как склеп.
Не тот слепец, кто слеп очами,
А тот слепец, кто сердцем слеп.

* * *

Завиднее нету удела,
Чем с правдою быть заодно.
Погибший за правое дело

Воскреснет в молве все равно.

* * *

Прекрасна Жизнь. А Смерть, ее сестра,
С ней не имеет никакого сходства.
И одержимо завистью уродство...
Красивы мы до смертного одра.

* * *

Отчих слов лелея улей,
Постарайся не забыть,
Что порой словцом, как пулей,
Можно сердце прострелить.

* * *

Кровля дома лишена опоры,
Тьма стоит за окнами всегда,
Если поселились в нем раздоры,
Если поселилась в нем вражда.

* * *

Чарка лишнего вина
Нас качает, как волна.
А придешь от краснобая,
Голова дурным-дурна.

* * *

Забудут очи, оплошав, —
Припомнит зрячая душа.
А коль душа забудет,
Навеки это будет.

* * *

Слова — призывники. Я их мобилизую,
В построчный ставлю строй и рифмами связую.
Они уйдут опять, как будто бы в сраженье,
Победу мне снискать иль горечь пораженья.

* * *

Наступили весенние сроки,
Белопенные мчатся потоки,
Словно белые шапки вершины,
Сняв, швырнули в речные стремнины.

* * *

Пал наездник под копыта
Скакуна на всем скаку.
Он погиб, да не забыто
Его имя на веку.

* * *

Лоза, явив наследственную сметку,
Ползет на древо, набирая высь,

Не для того, чтоб взять его за глотку,
А чтобы гроздья солнцем налились.

* * *

Навет не схож по виду с пистолетом,
Но в этом мире много тысяч раз
Случалось, что заведомым наветом
Клеветники приканчивали нас.

* * *

Жалейте близких, предостерегайте
От пагубных ошибок на веку
И, не польстив, совет им подавайте,
Как пред дорогой стремя кунаку.

* * *

Числом народ мой невелик,
Чем родственен алмазу.
Исчезни он — и в тот же миг
Мир обеднеет сразу.

* * *

Сострил удачно он сперва,
Смеялись мы, поверьте,
Но, прошутив и час, и два,
Наскучил всем до смерти.

* * *

Эвкалипт эвкалиптом останется,
Хоть весь век его кожа меняется.
И змеей остается, холодная,
В новой коже змея подколодная.

* * *

Цветы нужны не мертвым, а живым,
Живых венчайте лаврами почета.
Печальна запоздалая забота,
Как стук в тот дом, который нелюдим.

* * *

Камень за пазухой у одного
Многие годы таился
В печени камень теперь у него:
Камень от камня родился.

* * *

Слово мудрое. Оно
Схоже с компасом от века,
И ему спасать дано
На распутье человека.

* * *

День оценить полней ты сможешь снова,

Когда, смеркаясь, обагрится высь.
Вечернее поведай миру слово,
А с утренним прийти торопись.

==========

Ломиа Константин

ЗВЕЗДА И КОЛОДЕЦ

М. «Советский писатель», 1976, 184 стр. План вып. 1976 г. № 302.
Художник В. Н. Шабалов. Редактор Г. Г. Валиков. Худож. редактор Н. С. Лаврентьев. Техн. редактор И. М. Минская. Корректор Т. Н. Гуляева.
Сдано в набор 30/III.-1976 г. Подписано к печати 17/VIII-1976 г. А14061. Формат 70x108 1/32.
Бумага тип. № 1. Печ. л. 5 3/4. Усл. печ. л. 8,05. Уч.-изд. л. 4,57.
Тираж 9300 экз. Заказ № 1442. Цена 49 коп. Издательство «Советский писатель». Москва Г-69, ул. Воровского, 11.
Типография изд-ва «Коммунар». г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 150.

==========

(Выражаем благодарность Асиде Ломия за книгу.)

(Сканирование, вычитка - Абхазская интернет-библиотека, http://apsnyteka.org/.)